

Культура. — 2001. —
13-19 сент. — с. 11

Бретер с желтой звездой

Дух Сержа Гэнсбур живет в молодых французских музыкантах

“Десять свечей покойному смутяну!” — таким слоганом французская пресса отметила 10-летие смерти Сержа Гэнсбур. “Курильщик, пьянчужка, подстрекатель, трудяга, соблазнитель, юбочник, фрондер, совсем пропащий” — так называли одного из самых скандальных и необычных французских шансонье и в то же время одного из самых любимых до сих пор. Спустя десять лет после смерти Гэнсбур живет в своих духовных детях — молодых музыкантах. Его дух — во всех, кто сегодня играет рок, рэги или электромуску. “Думаю, мы все сосем соску, которую дал нам Гэнсбур. Он наш поющий папа, — говорит Артур Х. — Он — это наши “Битлы”. “Моя бабушка считала его вульгарным, — говорит Игнатус. — А по-моему, он самый великий из всех французских шансонье. Ему удалось органично соединить в народном шансоне и рок, и поп, и фанк, и рэги... Как артист он, само совершенство, идет ли речь о словах, музыке или аранжировке”. А вот и женский голос — Ариэль: “Я люблю у прекрасного Сержа его взгляд... Его стыдливость, великодушие, рефлексия, отчаяние, скромность... Он мучительно волнует меня”.

Кто же он — этот некрасивый бард, так любимый французской

молодежью по сей день? В начале творческого пути снискавший славу малообразованного хулигана, в конце уже обласканный славой и всенародной любовью, обратившийся к серьезным общечеловеческим темам — в поле его художественного зрения попали проблемы фашизма, антисемитизма, антибуржуазные настроения времени... В 1991 году он умер от рака печени — следствие алкоголизма. Его пристрастие к спиртному стало частью его облика — и Франция, страна любимых виноградников господ Бога, приняла и полюбила этот облик.

Не правда ли, Серж Гэнсбур во многом напоминает Владимира Высоцкого? А у нас в России он только сейчас становится известен. Продаются его диски, по радио звучат некоторые песни. Но все это дает лишь малую толику представления о человеке, одно имя которого до сих пор вызывает у многих французских разных поколений нежную улыбку...

Люсьен Гинзбург родился в 1928 году. Грубо вытесанное лицо, крупные горбатый нос, большие уши — он был попросту безобразен. В оккупированном бошами Париже ему пришлось носить на лацкане желтую звезду — внешне он точно соответ-

ствовал фашистской карикатуре, изображавшей тщедушного еврея. Когда пришел возраст половой зрелости, Люсьен отправился за первым опытом к самым дешевым проституткам своего квартала. Опыт получился не слишком удачным.

Грубо? Совсем непозитическое начало судьбы. Таким оно представит в песнях Гэнсбур и в статьях его биографов. А вот что вспоминает его друг, Пьер Бенишу: “Где исток этой жизни? Быть может, здесь, на углу улицы Амстердам и площади Клиши. 5 часов утра. Ему семнадцать. Всего несколько месяцев, как свободен Париж. Рядом шагает усталый отец — он всю ночь брэнчал “Кумпарситу” и “Чай для двоих” в кабачке хозяина. Жозеф Гинзбург родом из Одессы, приехавший в Париж после того, как его выгнали из Константинополя, из серьезного исполнителя классики превратился в кабацкого пианиста. В последующие часы, отдохнув, он заставляет сына играть Баха, Скарлатти и Шопена. Впрочем, юноша учится живописи. Он или умрет, или станет Сезанном...”

А вот слова самого Сержа Гэнсбур: “Первые мои воспоминания носили эстетический и музыкальный характер. Мой отец каждый день играл для собственного удовольствия

Скарлатти, Баха, Вивальди, Шопена и Коула Портера. Он мог импровизировать на темы “Огненного танца” де Фальи или южноамериканских песен, вообще был великолепный пианист. Это было прелюдией к моему музыкальному образованию: с самого рождения до двадцати лет я слушал пианино моего отца каждый день”.

Страсть к живописи sneдает молодого Люсьена. Свою меланхолию он подпитывает в Лувре, просиживая перед известными картинами, сжимая под мышкой мольберт. Он посещает курсы Андре Льюта и Фернана Леже, однако предпочитает кривые линии, настойчиво повторяя: “В природе прямых линий нет!” Живопись, которую любил и ценил его отец, казалась молодому Люсьену занятием серьезным, достойным талантливого молодого человека. Не то что кабацкая песня — ее-то глава семьи, вынужденный со своим музыкальным эстетством подрабатывать в кабаре, ненавидел от всей души.

И все-таки Люсьен Гинзбург выбрал именно это недостойное “искусство масс” и стал Сержем Гэнсбуром, которого знает весь мир. Как такое могло случиться? Однажды — шел 1954 год — Люсьен сидел в кабачке “Милорд Пьянчуж-

ка”, что на правом берегу Сены. “Тип, бледный, как мертвец, выкрикивал ультраскорбительные слова в адрес ошеломленной публики. Язвительный, злобный, страшный. Это был великий французский писатель Борис Виан. Жить ему оставалось всего пять лет. Но азартом выступления перед публикой Виан сумел заразить молодого Люсьена с первой встречи и на всю жизнь. “Тогда я сказал себе: я тоже могу что-то сделать в этом меньшем из искусств”. Первые мысли о своем месте в искусстве, о своих темах, о славе... Того, кто в юности считал шансон недостойным серьезного человека (он даже сказал однажды, что отрезал бы себе ухо, как Ван Гог, — только во имя живописи, но никак не песни), ожидала судьба самого популярного шансонье Франции.

Всех французских шансонье объединяет одна черта: они — “свои парни” в пестрой парижской толпе. В этом смысле именно Гэнсбур — шансонье в квадрате: между ним и публикой никогда не было никакой дистанции. Живой, непосредственный, искренне комплексующий от сознания своего внешнего безобразия — и сумевший закрутить романы с самыми прекрасными женщинами французского кино; любитель выпить,

страстный курильщик сигарет “Житан”, самых распространенных во Франции, — и умнейший поэт, подмечающий все смешные, страшные, трогательные черточки современных французов. “Свой парень”, откликающийся на все, что беспокоит толпу, на все сенсации — от грандиозного успеха американских гангстерских фильмов до проблемы арабской эмиграции.

“Один из критиков не вынес, — саркастически удивлялся Гэнсбур, — что в тот час, когда все смотрят телевизор, показали, как я пою свою “Марсельезу” на фоне трехцветного флага. Еврей на фоне триколора и национальный гимн в стиле рэги — это, конечно, уже слишком”. Простодушие в политике — тоже ведь черта “своего парня”, с которым приятно перекинуться двумя-тремя словами в кафе во время обеденного перерыва. “Как бы мне было приятно, если бы все бедняки имели по “роллс-ройсу”. А я бы свой продал. Вот это и есть социализм”. Актриса Джейн Биркин, избранница его первых лет славы, так и оставшаяся его самой большой любовью и подарившая ему дочь Шарлотту, ныне одну из самых известных французских киноактрис, говорила: “Серж не всегда вел себя вызывающе, в нем была солидная толика на-

ивности. И когда это аукалось ему, вызывая недоброжелательность критиков, Серж чувствовал себя очень подавленным”.

Уродец с тонкой, ранимой душой — таким видел Гэнсбур самого себя. Снова вспоминает Пьер Бенишу: “Не понять ничего в его поэзии, в его жажде бросать вызов, непреодолимом стремлении самоутверждения, в его стыдливости и его непристойности, наконец, в его насмешке над всем и вся, включая самого себя, если забыть, что он был маленьким и печальным героем бульварного романа. Печальным и безобразным”. “Я похож на Микки Мауса, у меня большие уши и здоровенный хвост”, — это Гэнсбур скажет позже, когда деньги польются рекой, от женщин не будет отбоя, а эпоха не сможет существовать без его песенок.

Счастливая судьба звезды. Но меланхолия пожирает Гэнсбур изнутри. Темы его поэзии становятся все серьезнее, вызов обществу — все круче. А успех — все оглушительнее. Вспоминает Пьер Бенишу: “Он лавирует между телевидением, радио и прессой, купаясь в собственной славе с такой ненасытностью, что малейшее разочарование становится для него источником драмы. Злоупотребляет алкоголем и

невероятно много курит, изобретая тысячи причин для того, чтобы чувствовать себя несчастным. Это похоже на мазохистское наслаждение — постоянно примерять на себя кожу непризнанного художника...” Чего не хватало Гэнсбур, чтобы, всего в жизни добившись, чувствовать себя удовлетворенным, как Жильбер Бекко или Ив Монтан? Справедливого мироустройства? Счастья для всех? Или просто уравновешенности характера? И вот Пьер Бенишу подводит итог: “Этот недотепистый еврей, которому в тринадцатилетнем возрасте пришлось понести желтую звезду, покидал свой бункер — убежище неврастеника — только по жизненной необходимости: записи, телевидение, больница. В последний год жизни его прооперировали по поводу рака печени. Врачи лгали ему; кажется, он им верил”. Три женщины его жизни — последняя подруга, юная Бамбу, горячо любимая дочь Шарлотта, в которой Гэнсбур не чаял души, и всегда желанная, как молодость, Джейн Биркин — не оставляли его до последних дней. Джейн Биркин каждый вечер приносила в больницу термос с горячим овощным супом. Жизнь словно постепенно замедляла свой лихорадочный ход, обретая перед смертью черты нормального, упорядоченного, уютного буржуазного существования, которое русская революция отняла у его отца-одессита. У Микки Мауса кончался завод. И вскоре шансонье всей Франции отправился в мир иной.

Штрихи к портрету Сержа Гэнсбур десяти лет спустя после его смерти. Из мемориальной статьи строгого, но добродушного критика: “И сегодня мы наконец видим, что этот безобразник плакал чаще, чем задирился. Что он любил чистоту и порядок. Интеллектуал по происхождению, по ошибке ставший смутяном, он был также и образованным человеком”. Слова Джейн Биркин, адресованные покойному Сержу: “Серж... Что сказать о тебе? Так я и не привыкла, что тебя больше нет... Тебя не хватает... Мне говорят: “Не плачь, он не любил бы тебя”. Ах! Что вы об этом знаете...” И молодой негритянский музыкант Стоми Багси, сказавший совсем просто: “Гэнсбур в музыке — то же, что Ван Гог в живописи”.

По материалам зарубежной печати подготовил
Дмитрий САВОСИН

По сообщениям
корреспондентов “Культуры”
и ИТАР — ТАСС

Слева: С.Гэнсбур с Б.Бардо. 1967 г. В центре: С.Гэнсбур и Дж.Биркин. 1970 г. Справа: С.Гэнсбур. 1974 г.

Фото из журнала “Нувель-Обсерватер”

Гэнсбур Серж

19.09.01